

Альфа...

Позади крутой поворот, Позади обманчивый лед, Позади холод в груди, Позади все позади...

А. Монастырев

— 1-

— Зайдем? — кивнул я на «Пиваторию №5» мимо которой мы проходил.

— ... — Стас вывернул карманы, показывая, что у него там пусто. — Извини брат... На мели...

— Я угощаю, — машинально выскользнуло у меня, — а в получку ты?!

— Заметано! — глаза Стаса оживились и заблестели.

— Пошли... — выдохнул я, вдруг представив какой дома, разразится скандал, когда я приду, пьяный и без покупок, — да и хрен с ним! — пронеслось у меня в голове, — один раз живем.

Вон полгода как женился, а с друзьями ещё ни разу «за круглым столом с водовкой и ершом» не пообщались!

Погоуляли мы славно. Сначала пили пиво, вдвоем вспоминая прошедшие времена. Потом нас пригласили за столик подвыпившие соседи, которым Стас скормил весь свой запас сигарет. Те сгоняли за флаконом беленькой, и мы начали употребление ерша. Потом была моя очередь бежать в магазин, а потом я... ни чего не помню. Вернее я не помню, как очутился в парке. На просеке, по которой идет высоковольтная линия. Рядом покачиваясь, стоял Стас и, тербя меня за плечо, лепетал заплетающимся голосом:

— Давай брат. Стой прямо. Мы идем домой!

Я был грязный, мне было холодно, но очень весело. Затянув какую-то дурацкую песню, я обнял Стаса, и мы зашагали к видневшейся сквозь подлесок дороге. Что бы попасть туда, надо было пересечь просеку с вышкой посередине и пройти под гудящими, словно стая бешеных шмелей — проводами.

Проковыляв до высоковольтной вышки, я остановился и, повернувшись к Стасу, спросил:

— А где мы, знаешь брат?

— ... — глубокомысленно огляделся по сторонам он и выдал, — в лесу?!

— В парке, — уверенно заявил я.

— А ты откуда знаешь? — удивился он. — Вон и елки и сосны растут. Точно лес!

— Не-а... — пьяно полез я в спор, — это парк! Я вон там, — кивок в сторону дороги, — в универе пять лет отучился!

— Лес! — пьяно заявил Стас и побрел вперед.

— Сам дурак! — крикнул я, ему вслед соображая, стоит ли мне его догнать и настучать по тылке.

Решив, что успеется я, развернулся к нему спиной решив отлить. Вообще-то мне было все равно, в какую сторону сливать после пива, но мне захотелось повернуться спиной. Весело зажурчала струя, я, раскачиваясь из стороны в сторону, пытался забрызгать или скорее оросить как можно большее пространство. Увидев кусок провода торчащего из травы, плеснул и на него...

В следующее мгновение пред глазами полыхнуло бело-голубым... Мне обожгло пах, а по нервам долбануло кувалдой. Следующее, что я помню это чистую койку в больнице. Рядом на стуле дремлет жена. С трудом разлепив глаза, я засипел, пытаясь позвать её. Она тут же

открыла глаза и заорала:

— Доктора, доктора! Сестра он пришел в себя!

Вокруг меня все забегали, замельтешили. У меня закружилась голова, и я снова отключился, правда, ненадолго. Потом я спал, ел... и снова спал! Стыдно признаться, но мой диагноз был несколько интимный... Поражение электротоком и ожог, слава богу, не сильный, паховой области. Короче — я пописал на кабель под напряжением! Меня долбануло током, и образовавшаяся дуга чуть не сожгла мне мужские причиндалы. Но мне повезло. Не убило и даже сильно не покалечило. Типа кабель успели отключить, за мгновение как я его залил, и меня ударило остатком или наведенкой... короче напоследок. Возможно, помогло, что я был пьян. Как говорится пьяному море по колено.

— 2-

У меня ужасно до скрежета зубов болела голова, пах и левая нога. Мне постоянно кололи обезболивающее и снотворное. Я спал, ел, мне делали перевязку. Через неделю, когда я более или мене очухался, то впервые увидел, что они там перевязывают. Вернее я знал что, но увидел это впервые. На лице пожилой медсестры лежала печать горести и сожаления. Меня явно считали пропавшим! И было от чего, член был покрыт волдырями, Головка разбухла и имела цвет спелой сливы — фиолетовая с синевой. Доктор, осматривающий меня, проговорился что, скорее всего я не смогу жить полноценной половой жизнью... Мой дух упал ниже плинтуса.

На третьей недели начались другие проблемы. У меня обострился нюх, и я словно хорошая ищейка чуял за милую где, что лежит и кто находится. Особенно досаждал запах женщин. От него кружилась голова и в голове стучали молоточки. От него пробуждалось нечто заставляющее сердце быстрее биться, а член вставать. Вот только проблема... стоило моему органу, только шевельнуться, как в паху начинало так болеть, что я готов был лезть на стенку. Особенно это досаждало при перевязках. Только одна медсестра была пожилой, остальные были в самом расцвете. Их запах даже скрываемый духами будоражил меня до потери пульса, а мягкие пальчики, обтирающие и смазывающие мазью член, вызывали неудержимые приливы похоти. А когда тот пытался встать я почти терял сознание от боли.

Но все когда-нибудь проходит. Постепенно цвет и размер моего органа приходил в норму, болеть он стал меньше, но ужасно чесался, доводя меня до неистовства. И теперь при перевязке уже стоял колом, чуть подрагивая от прикосновений. Сестры прыскали в кулачок, но продолжали выполнять свою работу.

Очень быстро я пошел на поправку. Теперь уже кособочась и припадая на левую ногу, я сам ходил на перевязку, которую делали каждый день. Начала облазить обожженная кожа фаллоса и ствол стал пегим. Ярко-розовые разводы, словно маскировочные пятна, покрывали почти всю поверхность. Кстати эти отметки сохранились у меня почти на всю жизнь. Теперь мне там брызгали какой-то пеной и просто оборачивали марлей. Мне разрешили мыться, только потом необходимо было снова делать перевязку. Желание трахнуть кого-нибудь стало подавляющим, и в очередной приход жены я затащил её в душ и, закрыв на щеколду дверь, буквально изнасиловал её.

Задрав подол и сорвав с неё трусики, игнорирую протестующие вопли, я заставил Ольгу упереться в край ванны и, пристроившись сзади, засадил ей по самые помидоры. Это было очень больно, но так же приятно. Не обращая внимания на боль в паху и стоны корчившейся в оргазме жены, я трахал, драл, сношал её минут сорок, пока с той стороны двери вопли не

пообещали высадить дверь, если мы сейчас же не прекратим «безобразия» и не освободим санитарное помещение. Мы только и успели чуток подмыться, прежде чем пришлось выйти. Не знаю, как Ольга, она выглядела довольной хоть и обалдевшей, но я точно был не удовлетворен. Кстати видок у моего органа был ещё тот!словно я распечатал крутую девственницу, весь в крови и лохмотьях от слезающей кожи. Медсестра, которая делала мне перевязку, только хмыкала, косясь, то на меня, то на мой ободранный, но торчащий в боевом задоре член. Кстати мне потом пришлось «добираться» до семязвержения вручную...

Самое интересное, что с этого момента я пошел на поправку. Раны мои в течение недели зарубцевались, и я понял, что данное происшествие ни как не отразилось на моих способностях. Эффект неудовлетворенности я отнес на принудительное «голодание». Уже через пару недель меня выписали, и я вернулся домой.

Как говорится — вот тут всё и началось! Я постоянно хотел. Обостренный нюх чуял запах любой женщины издалека. Это сводило меня с ума, и я был готов сношать всё что шевелится. А кроме этого я сам, похоже, стал носителем какого-то сигнала. Что это было мужская аура или феромоны или вообще что-то уже на фантастическом уровне, но женщины стали обращать на меня повышенное внимание. А мужики сторонились и провожали настороженным взглядом, почему-то видя во мне угрозу.

В течение недели я своим хочу и буду, довел жену до изнеможения. Теперь она даже спать со мной не ложилась. При попытках близости Ольга срывалась в крик, вопя, что я желаю заебать её до смерти.

Мне пришлось искать утешения на стороне. Судя по нервным взглядам и скандалам, моя благоверная была в курсе, но все её разговоры об изменах я пресекал простой командой: «В койку!», и очень скоро они прекратились. Похоже, что данная проблема стала известна и в семье тещи, у которых мы пока и жили. Доча пожаловалась мамочке и та, судя по всему, готовит «боевые крылья» что бы раскинув их кинуться в бой на обидчика чада. И было не совсем понятно, действовало на тещу моё «обаяние», действуя по принципу: «Меньше знаешь, лучше спишь... и, не еби где живешь и тем более не живи где ебёшь!». Я ожидал серьёзного разговора с ней.

— 3-

Хотя первым для выяснения отношений, как я подумал вначале, подкатил тесть. Мы были дома одни, наши женщины ушли по магазинам. Он долго мямлил, ходя вокруг да около не смотря мне в глаза. После моего «чудесного» исцеления он вообще вел себя странно. Пропала былая уверенность суждений и безапелляционных решения. И только когда я предложил обсудить всё за «рюмкой чая», после второй выпитой рюмашки изложил свои соображения: — Знаешь Игорь, — начал он опять издалека, — мы с Зиной живем уже давно и я её очень люблю! Вместе вырастили дочь. Выдали замуж, кстати, за тебя и... — достав сигарету, он нервно прикурил и затянулся. — Так вот...

— Да не тяни ты резину, — грубо перебил его я, — давай режь правду-матку, сильно и по живому...

— Нет, ты Игорек меня не понял! — продолжил тот с жаром. Ваши проблемы меня не касаются, хотя Ольга и моя дочь, но отношения в семье... — крутанул он горячей сигаретой в воздухе, — это отношения в семье! — закончил он пафосно и туманно.

— Да, господи в чем дело? — уточнил я, у него понимая, что это не тот разговор, на который я настроился.

— Я встретил женщину! — вдруг выпалил он.

— Поздравляю, — буркнул я, — и первый кому ты решил сообщить о своем разводе это зять?

— с некоторой иронией высказался я.

— Да нет! — он опять затянулся, докурив сигарету до фильтра. — Я слышал разговор Ольги с матерью. Ну что ты её затрахал, а тебе все мало...

— И что?

— Так вот... — он закурил следующую сигарету, — помоги мне!

Я налил нам ещё по рюмашечки желая потянуть время. Мы выпили, а я все не верил и боялся уточнить, что он имел в виду. Нет, теща мне нравилась. А её безразмерные груди — предел моего мечтания... Да и я вообще люблю полненьких... Но то, что я подумал, выходило за рамки моего понимания.

— Уточни... — наконец решился я.

— ... — он затравлено, глянул на меня и произнес, — может ты и с ней закрутишь, чтобы она пока ко мне не приставала.

— Тебя уже на двоих не хватает? — поинтересовался я.

— Хватает! — вспылил он, но, похоже, вспомнив кто начал, разговор махнул рукой, — только ненадолго... В конце концов, — вдруг сорвался он на фальцет, — мы мужики и должны помогать слабому!

Я не стал уточнять, кого он подразумевает под словом слабый. Вот только его просительно-виноватый взгляд сказал все за него. Я вспомнил, что последнее время тот вел себя странно. Вот и объяснение.

— 4-

Я не обещал ему ни чего, но забыть про этот разговор не мог. Буквально на завтра, когда мы остался дома вдвоем с тещей, и я, мучимый желанием, развлекался «ручным» способом за закрытыми дверями, она ко мне постучала. С трудом «упаковав» твердый и торчащий, словно жезл член в штаны я открыл дверь. На пороге нарисовалась «ненаглядная» теща и в лоб завела разговор о проблеме, как она её видела со слов доченьки. Она нудила, поучала и ныла. И, в конце концов, до того отмалчивавшийся я сорвался. Наговорив кучу гнусностей, пояснил, что проблема в том, что её милая дочурка элементарно отлынивает от выполнения супружеского долга, держит меня в «черном» теле и вообще... даже спит отдельно!

Её ошарашенный вид показал, что она не рассматривала проблему так широко. А когда Зинаида Ивановна стала нервно вякать, я, вспомнив вчерашний разговор с тестем, просто спустил до колен спортивные штаны вместе с плавками и, покачивая членом, продемонстрировал проблему «во всей красе».

Я ожидал от неё всего, что угодно: криков; ударов; слез в конце концов; но только не того что случилось. Мой торчащий и дрожащий от напряжения и желания фаллос подействовал на неё, как валериана на кошку — буквально зачаровав! Прищуренные глаза остекленели и загорелись похотливым огнем, а сама она будто под гипнозом стала медленно подходить ко мне, не сводя, словно задурманенного взгляда с эрегированного органа.

Короче подтвердилась старая поговорка: «Все бабы бляди, надо только создать для этого условия...». За последнее время я уже видел подобное, но не обратил внимания. После больницы я «накоротке» пообщался с двумя подругами жены, которые вели себя подобным образом, и которых хватило ровно на неделю близкого общения.

Моё второе я «околдовало» тещу, и она словно малолетка клюнула на мой член, как щука на

блесну. Медленно приближаясь, всё так же, не отводя глаз, она ухватилась за пегий орган со словами:

— Как тебе досталось-то бедненький... — и сжала его с такой силой, что будь это моя шея, я бы давно задохнулся.

— Будешь? — не нашелся я сказать ни чего лучшего.

Зинаида Ивановна буквально рухнула на колени, одновременно открывая рот и заталкивая в него блестящую бордовую головку. Дальше мне стало не до рассуждений. То, что она стала вытворять, можно увидеть только в жестких порнофильмах. Она сосала, облизывала мой нервно подрагивающий член. Дрочила его пред своим лицом, заглатывала его словно голодная рыба до самых гланд. Очумев от такого поворота событий я, ухватив её за голову, стал «помогать» — уже сам, протискивая член так глубоко, как только мог. Слюни пузырились на её губах, тянулись вниз, тонкими липкими ниточками приликая к шее и халату. Всё это продолжалось достаточно долго, чтобы я воспарил к небесам, а потом рухнул, вниз трясясь в приступах оргазма выплескивая и выдавливая в её рот горячую липкую сперму. Её лицо, окаменевшее от похоти походило на маску, а сама она усиленно глотала, давясь и сопя «поданный» для неё завтрак, состоящий вперемешку из слюны соплей и спермы.

Только на мгновение я почувствовал удовлетворение, и тут же развернув её на сто восемьдесят градусов задрав полы халатика, сдернул с неё трусы. Потянув за плечи, заставил приподняться. Несколько шагов и, не сильно толкнув податливое тело, на диван, заставив встать раком. Почти мгновенно пристроился сзади, и мой ненасытный орган ворвался в тяжело хлюпнувшую горячую и мокрую вагину. Не скажу, что она была больше чем у жены, но там было по-другому. Мой орган довольно свободно скользил внутри, временами почти выходя наружу. Напряженные бедра громко шлепали по объемному заду тещи, создавая приятное созвучие нашему тяжелому дыханию и стонам самой Зинаиды Ивановны.

Постепенно под мощными ударами моей плоти он почти легла грудью на покрывало, а я, задирая сползающий на ягодицы подол, продолжал долбить её податливое чрево. Глянув вниз и погладив покрасневшие от прилива крови булочки, развел в стороны, поиграв ими. Они аппетитно тряслись от моих движений. Темное колечко ануса буквально притянуло мой взгляд. Оно как бы жило своей жизнью: то, чуть расходясь, образуя небольшое отверстие; то, сжимаясь в точку сопровождая мои движения. Большой палец руки медленно скользнул в щель между ягодицами, и одна фаланга свободно провалилась внутрь. Теща пискнула, напрягая мышцы, и я ощутил, как его сжало со всех сторон. Я подумал и поменял палец на указательный, предварительно измазав его в липких соках. Объемное тело от моих действий задергалось. Мышцы напряглись и она, выворачивая голову, попыталась взглянуть назад.

— Не дергайся, — произнес я, энергично закрутив пальчиком в попе. — Сейчас всё будет в лучшем виде...

— Нет! — она запаниковала, пытаясь ползти вперед.

— Стоять Зорька! — разошелся я, прижимая её к дивану — да, значит да!

— Не надо... — жалобно застонала Зинаида Ивановна, нервно подергивая телесами.

— ... — промолчал я, продолжая раздрачивать её анус, — можно подумать ты туда ни разу не трахалась! — с каким-то ожесточением проворчал я, не прекращая свои действия.

— Больно же! — как мне показалось, не совсем искренне провыла она.

— Ольга тоже сначала кричала, а теперь нравится... — успокоил её я.

Только мои слова пропали втуне. Она вдруг выгнулась дугой, задержалась и, затрепетав всем телом начала извиваться подо мной. Ей, похоже, срочно похорошело, и она поймала свой первый и надеюсь не последний оргазм. Пока она стонала, и её коробило я, покинув чмокнувшую вагину, приставил головку к анусу и надавил. Медленно преодолевая спазматические сокращения, вошел внутрь. Она замерла, громко поскуливая и пытаясь расслабить попку.

— Вот так! — провозгласил я, загоня своего жеребца почти до половины.

— Нет! Вынь... — сипела она.

Не слушая стоны и крики, я медленно задвигался у неё внутри. Там было точно тесно. Колечко анального отверстия, словно стянутая манжета охватывала ствол члена.

Преодолевая сопротивление сопровождаемое стонами и ахами, я задвигался быстрее, удерживая её на месте руками намертво вцепившихся в ягодицы. Ещё пять минут истязаний плоти и запыхтел уже я. Плотно обжатый член напрягся. Я почувствовал, как мошонка собралась в плотный мешочек и яйца, словно прилипли к корню. Пара движений и пыхтя, словно после стометровки я кончил, заполняя кишку спермой. Двигаться стало легче, в заднице захлюпало, и при моих движениях из-под колечка ануса стала просачиваться коричневатая жижа. Погоняв еще некоторое время свой орган, я медленно покинул попку. Глядя сверху, я видел, как покинутое мной отверстие размером с пятак стало медленно сжиматься, толчками выдавливая коричневатую сперму.

Хлопнув обессиленную тещу по ягодице, так что там остался ярко-красный след пятерни, я чуть слышно пробурчал:

— А ты милая боялась, даже юбка не помялась.

Со стоном, она опустилась на диван, тихо поскуливая. Её тело подрагивало, ягодицы дергались, словно от нервного тика.

— Понравилось? — спросил я вставая.

— ... — задержала она головой.

— Сейчас чуток отдохну, и повторим, — озвучил я.

— Только не туда! — Зинаида Ивановна повернулась, набок уставившись на меня покрасневшими от сдерживаемых слез глазами.

— Ладно, — великодушно согласился я, про себя подумав, — а кто тебя будет спрашивать? — и добавил, — вставай и пошли мыться.